

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
16—18 июня 2016

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: СТРАТЕГИЯ ДЕЙСТВИЙ

16 июня 2016 г., 10:15—11:30
Конгресс-центр, Конференц-зал D1

Санкт-Петербург, Россия
2016

Модератор:

Николай Корженевский, Ведущий, телеканал «Россия 24»

Выступающие:

Алексей Кудрин, Председатель совета фонда, Центр стратегических разработок; заместитель председателя, Экономический совет при Президенте Российской Федерации

Эльвира Набиуллина, Председатель, Центральный банк Российской Федерации

Антон Силуанов, Министр финансов Российской Федерации

Н. Корженевский:

Добрый день! Предлагаю начать.

Я приветствую вас в этом зале. В течение часа и пятнадцати минут мы будем обсуждать макроэкономическую стратегию развития Российской Федерации с участниками нашей дискуссии. Конечно, они не нуждаются в представлении, но все же перечислю их: это председатель Банка России Эльвира Набиуллина, министр финансов России Антон Силуанов и председатель совета Центра стратегических разработок, заместитель председателя Экономического совета при Президенте Алексей Кудрин. Благодарю вас за присутствие.

Коллеги, при подготовке к этой сессии я изучил массу экономических публикаций самого разного характера — опубликованных в СМИ, подготовленных инвестиционными банками и происходящих из других источников. Я выделил для себя две вещи. Первое: есть определенное недовольство тем, что стратегия как таковая четко не сформулирована, и в связи с этим имеет место последовательная критика. Второе: неожиданно низок интерес к тому, как мы будем действовать на тактическом уровне. В предыдущие годы на этом форуме очень много говорилось о том, как стимулировать экономику, как правильно действовать, чтобы возобновился краткосрочный рост. Сейчас же очень много говорится о том, как добиться устойчивого, долгосрочного роста. Никого не интересует, будет ли в этом году рост или снижение ВВП на 1%. Что делать дальше, через три, пять, десять лет? Предлагаю поговорить именно об этом. Прекрасно, что здесь сидят люди, которые формируют монетарную политику, фискальную политику и политику в отношении структурных реформ. Таким образом мы можем обсудить эту тему многосторонне.

Для начала я попрошу вас сформулировать два вызова для российской экономики: ключевой долгосрочный вызов и ключевой среднесрочный вызов. Это может быть какой-то внутренний или внешний фактор.

Эльвира Сахипзадовна, позвольте начать с Вас.

Э. Набиуллина:

Большое спасибо.

Хорошо, что вопросы стратегического развития выходят на первый план. Это не означает, что у нас нет тактических проблем: есть много вопросов, которые мы должны решить в ближайшее время. Но то, что мы всерьез думаем о стратегии и занимаемся ее поиском, — это хороший признак.

Если говорить о каком-то одном тактическом вызове в области монетарной политики, с точки зрения Центрального банка, то я не скажу ничего нового: главная тактическая задача для нас — исполнить обещание, которое мы дали обществу, и достичь целевого показателя инфляции в 4% к концу следующего года.

Стратегическая задача монетарной политики — поддерживать низкий уровень инфляции в долгосрочной перспективе таким образом, чтобы участники рынка, представители бизнеса, поверили в то, что у нас будет низкая инфляция в долгосрочном периоде, и смогли наконец строить свои планы, прежде всего инвестиционные, пользуясь этим преимуществом. Пока мы не добьемся этой цели — инфляции в 4% — вопрос будет заключаться не в том, достижима или недостижима она, а в том, зачем нам это нужно. Когда бизнес почувствует разницу между 4% и тем, что мы имеем сейчас, вопросов станет гораздо меньше.

Вне монетарной политики, в такой области, как развитие финансового рынка, одна из наших главных тактических целей состоит в том, чтобы завершить вывод с рынка недобросовестных, слабых игроков. Мы стремимся таким образом восстановить доверие к финансовому рынку. Стратегическая же задача — развитие финансового рынка по всем направлениям, а не только в банковском секторе и на рынке капитала, чтобы финансовый рынок наконец стал фактором и источником роста.

Два слова о том, как нам видятся экономические вызовы. Экономика, на наш взгляд, адаптировалась к внешним вызовам гораздо быстрее, чем ожидали многие, в том числе мы. Эта адаптация произошла в первую очередь в сфере платежного баланса, экспорта и импорта: потоки капитала приспособились к новым условиям. Финансовая система в начале прошлого года показывала убытки, теперь она демонстрирует прибыль, есть определенная возможность кредитования. В банковской системе сохранился капитал, отрасли начали адаптироваться. Но, как мне кажется, краткосрочная цель — это адаптация бюджетной политики к новым вызовам, к новому уровню цен на нефть и так далее, чтобы в среднесрочном плане бюджетная политика была предсказуемой и не вызывала вопросов у участников рынка из-за неконтролируемого роста государственного долга, возможности увеличения налогов либо инвестиционного финансирования. Вопрос о нерешенности бюджетных проблем, как я понимаю, будет переадресован Антону Германовичу. Это наша общая краткосрочная задача, долгосрочная же — создание модели роста со всеми необходимыми институтами. Но это очень длинный разговор, и я не буду отнимать у вас времени.

Н. Корженевский:

Да, это будет очень длинная дискуссия, но мы, конечно, вернемся к данному вопросу.

Антон Германович, пожалуйста, расскажите кратко о двух основных вызовах, стоящих перед российской экономикой. Может быть, Вы также дадите короткий ответ на комментарий Эльвиры Сахипзадовны?

А. Силуанов:

Добрый день, уважаемые коллеги!

Я расскажу кратко о нашей стратегии и тактике. Какова наша стратегическая цель? Цель в том, чтобы страна богатела, чтобы экономика росла, чтобы

доходы людей возрастали, чтобы люди могли больше тратить. Собственно, эти цели стоят перед всеми странами и всеми правительствами, которые занимаются социально-экономическим развитием. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы темпы роста экономики были не ниже мировых и даже выше. Для этого нам нужно изменить структуру экономики, сделать экономику более инновационной, более устойчивой и не зависящей от внешнеэкономической конъюнктуры, как это было в последние годы. Мы видим, как эта конъюнктура влияет на экономику, на бюджет, на всю нашу жизнь. Итак, стратегическая задача — обеспечить нашей экономике более высокие темпы развития, чем у мировой экономики, идти вперед, догоняя и обгоняя другие страны.

Конечно, одна из стратегических задач состоит в том, чтобы бизнесу было комфортно, чтобы он мог свободно развиваться, не опасаясь за свои инвестиции, чтобы институты, существующие у нас в стране, были не хуже, а лучше тех, которые имеются в других странах с быстрорастущей экономикой. Государство станет богатеть, и всем будет лучше.

Теперь о тактических мерах. Я согласен с Эльвирой Сахипзадовой: экономика адаптировалась к новым реалиям, банки тоже адаптировались, в том числе благодаря государственной поддержке. Бюджет также должен адаптироваться: пока еще сохраняется большой дисбаланс между доходами и расходами. Наша основная тактическая задача на ближайшие три года — свести этот дисбаланс к минимуму. Инвесторы, все участники экономической деятельности должны понимать, что государство будет делать в условиях этого дисбаланса. Повышать налоги? Или мы все-таки консолидируем бюджет и будем совершенствовать налоговую систему, делать послабления для бизнеса, чтобы стимулировать его развитие?

Это ключевые моменты. Адаптация бюджета к изменившимся условиям — уже понятно, что они изменились надолго, — вот наша основная тактическая задача на ближайшие три года.

Н. Корженевский:

Алексей Леонидович, пожалуйста.

А. Кудрин:

Стратегический вызов, который стоит перед всеми нами, — это необходимость совершать перемены, соответствующие вызовам времени и меняющемуся миру. Нельзя что-то сделать и успокоиться, мы всегда должны меняться и обновляться. Но сейчас в обществе есть определенный страх перед переменами. Можно некоторое время просуществовать так, как мы существуем сегодня, избегать больших неприятностей, болезненных решений. Сегодня есть боязнь потери политического рейтинга, ссоры с какими-либо социальными группами на пути этих перемен. Эта проблема возникла не сегодня.

Наше общество, по сравнению с другими, на протяжении десятилетий и столетий пережило меньше промышленных революций и социальных изменений. Мы еще только учимся этому после советского периода. Но для этого нужны институты, которые способствуют переменам. Сегодня речь идет даже не о том, чтобы произвести лучший в мире самолет или айфон: это лишь один из результатов процесса, который определяется работой институтов. Институты у нас работают слабо, о чем я сегодня еще скажу.

Это каждодневная работа. Я бы сравнил ее с работой лоцмана, который ведет корабль между рифов. Нам нужна намного более эффективная, чем сегодня, система навигации, то есть система государственного управления.

Н. Корженевский:

А мы умеем управлять переменами?

А. Кудрин:

Я как раз хотел сказать о том, что у нас не хватает умения управлять переменами. Институты, которые способствуют постоянному подстраиванию под новые вызовы, работают неэффективно. Система государственного управления, которую мы должны обновить, — это и есть та навигационная система, с помощью которой мы будем управлять переменами.

Н. Корженевский:

К этой теме мы еще вернемся. Давайте перейдем к стратегии, отталкиваясь от этих тезисов.

Эльвира Сахипзадовна, Ваш ответ касался инфляции. Предлагаю сидящим в зале проголосовать. Центральный банк периодически проводит опросы среди экспертного сообщества и потребителей о том, какую инфляцию они наблюдают сейчас и какой ожидают. Давайте узнаем, какой инфляции ожидают участники Санкт-Петербургского экономического форума через год. Я попрошу вывести на экран вопросы для голосования.

Вопрос сформулирован следующим образом: какой инфляции вы ожидаете в России в 2017 году, по состоянию на 31 декабря? Вариант номер один — около 5% и все, что ниже 5%. Вариант номер два — 6—7%. Вариант номер три — 8—10%. Более 10% — это вариант номер четыре. Нужно изменять метод оценки инфляции, текущие показатели нерелевантны — это вариант номер пять. Предлагаю вам сделать свой выбор.

Посмотрим на результаты. Итак, Эльвира Сахипзадовна, большинство присутствующих, 38%, склоняется к тому, что по итогам следующего года инфляция будет 8—10%. Некоторые дали ответ «около 5%». Всего год-полтора назад, когда Центральный банк говорил о том, что мы устанавливаем цель в 4% на конец 2017 года, в это не верил почти никто. Теперь верят 7% — это уже значительная часть аудитории.

Э. Набиуллина:

Вопрос сформулирован несколько щадяще: в ответах-подсказках нет значения «4%».

Н. Корженевский:

Есть «около 5%».

Э. Набиуллина:

Я прокомментирую результаты голосования, но начну все-таки с того, почему мы так упорно говорим о необходимости довести инфляцию до 4% к 2017 году. Это не признак упрямства: мы уверены в том, что это необходимо для нашей экономики.

Согласно имеющимся оценкам, уровень инфляции выше 4% — это неинвестиционный уровень. При таком уровне почти не появляется длинных денег. Мы сейчас довели инфляцию до 7,3% — они кажутся нам приемлемыми, и все считают, что нужно расслабиться, — с этим уровнем мы в конце списка всех стран мира. В быстрорастущих азиатских странах, например, инфляция вдвое ниже. Имея такую высокую инфляцию, мы проигрываем борьбу за инвестиции. Никто не станет вкладывать в рублевые активы надолго, если боится, что инфляция съест его вложения. Наши инвесторы будут стараться инвестировать за рубежом, где все это более предсказуемо, а доходы те же самые, и стоимость активов не съедается инфляцией.

Об итогах голосования: к сожалению, этого следовало ожидать. Если говорить о рисках достижения цели в 4%, то ключевой риск — это высокие и, как говорится, закоренные инфляционные ожидания: мало кто верит, что инфляция достигнет 4%. Для нас это является вызовом. Может быть, переломный момент наступил именно сейчас, когда инфляция вернулась к привычному уровню в 6—7%. Население обычно считает, что инфляция

гораздо выше. Понятно, что восприятие инфляции связано с теми товарами, цены на которые растут быстрее всего. Товары, цены на которые растут не так быстро или падают, уходят из нашего сознания. Поэтому население — не только у нас, но и во многих других странах — считает, что инфляция выше. В прошлом году аналитики Центрального банка, составляя прогнозы инфляции через год, то есть нынешней инфляции, сходились на том, что она составит 7%. Этого уровня мы и достигли. Было расхождение между прогнозами Центрального банка и прогнозами населения. Сейчас позиции сблизилась: и те, и другие считают, что инфляция составит 7—8%, присутствующие в зале даже проголосовали за более высокое значение. А мы упорно продолжаем считать, что она составит 4%. Это означает, что мы столкнулись с гораздо более серьезным вызовом: даже аналитики демонстрируют заякоренные высокие инфляционные ожидания.

Какие с этим связаны риски? Мне кажется, что одна из причин таких высоких инфляционных ожиданий, в том числе у аналитиков, — это бюджетная политика. Если мы имеем дефицит бюджета, финансирование через резервные фонды, избыток ликвидности, Центральный банк должен абсорбировать эту ликвидность либо сохранять высокие процентные ставки. При прочих равных условиях чем больше дефицит бюджета, тем жестче денежно-кредитная политика. По результатам наших расчетов, при повышении дефицита бюджета на 1% ставка также повышается на 1%, то есть цена дефицита бюджета — это более высокая ставка. Мы отстаиваем расходы на конкретные предприятия, отрасли, секторы, но за это приходится платить повышенной ценой денег.

Мы будем сохранять более высокую ставку для достижения инфляции в 4%, если стратегия бюджетной консолидации не будет выстроена таким образом, что мы сможем смягчить денежно-кредитную политику. Но в любом случае мы готовы и к бюджетному дефициту, и к трате резервных фондов — просто мы будем проводить более жесткую денежно-кредитную политику, чтобы достичь

целевого показателя инфляции в 4%. Еще раз: это не признак нашего упрямства, мы убеждены, что это нужно для экономического роста инвестиционного типа.

Н. Корженевский:

Антон Германович, давайте вернемся к дефициту. Предлагаю теперь проголосовать по поводу того, как нужно действовать в этой области, как правильно разбираться с бюджетными и фискальными проблемами в России. Итак, есть четыре варианта ответов. Какой курс, по-вашему, должен быть приоритетным? Первый вариант — сокращение обязательств бюджета, то есть сокращение расходов. Второй — сокращение теневого сектора и рост собираемости налогов, улучшение администрирования. Третий — повышение налогов с акцентом на потребление и богатых граждан. Четвертый — не нужно ничего делать, дисбаланс — это сейчас норма, в России нет катастрофического фискального дисбаланса. Есть, конечно, дефицит, но он не так велик. Накопленный у нас государственный долг достаточно низок по любым меркам. Я обязательно возвращусь к этому вопросу после того, как станут известны итоги голосования.

Ответы показательны. На первом месте — сокращение обязательств бюджета. У меня есть внутреннее ощущение, Антон Германович, что имелись в виду малоэффективные бюджетные расходы. На втором — сокращение теневого сектора и рост собираемости налогов. Как Вы прокомментируете такой результат?

А. Силуанов:

При первом и втором голосовании я нажимал первую кнопку. Во втором голосовании первый и второй варианты мне кажутся равноценными, так как нужно говорить в том числе о сокращении бюджетных обязательств. Мы набрали эти обязательства в тот период, когда цены на нефть равнялись 100

долларам за баррель. И это — несмотря на то, что Минфин всегда выступал за изъятие конъюнктурных доходов в резервные фонды: не из-за того, что мы любим заниматься накопительством, а из-за того, и Алексей Леонидович всегда об этом предупреждал, что должны были наступить времена, когда цены на нефть упадут, что и произошло. Мы не должны наращивать обязательства в расчете на конъюнктурные доходы, которых наша экономика не зарабатывает. Сейчас наступил очень сложный период, когда нужно от чего-то отказываться. Говорят, что нужно отказаться от неэффективных расходов. Действительно, надо переходить от поддержки всех отраслей к поддержке тех, которые непосредственно влияют на экономический рост. И компаниям, и государствам очень сложно отказываться от принятых обязательств. Тем не менее это единственный путь.

Если мы этого не сделаем, то, конечно, будем принимать меры по сокращению теневого сектора и росту собираемости налогов — такие программы уже есть. В прошлом году мы серьезно увеличили поступления от НДС, введя новые электронные системы. В этом году мы вместе с Росалкогольрегулированием начали активно заниматься наведением порядка на алкогольном рынке. За два последние месяца акцизы на алкоголь выросли на 38%, при том, что в последние годы они только падали. Мы можем заработать не менее 100 миллиардов рублей только благодаря этой мере. Следующий шаг — объединение усилий таможи и налоговой службы в работе по налогообложению импортируемых товаров: здесь есть много возможностей для повышения собираемости.

Как мы видим свои задачи с точки зрения консолидации бюджета? Первое — это оптимизация и консолидация расходов, отказ от неэффективных расходов, усиление точечной, адресной поддержки как в социальной сфере, так и в экономике. Второе — надо заниматься администрированием, и я полностью согласен с теми, кто проголосовал за второй вариант. Здесь есть большие

возможности для повышения доходов, мы занимаемся этим и продолжим заниматься в ближайшее время.

Н. Корженевский:

Антон Германович, позвольте на минуту вернуться к стратегии. Сегодня в «Ведомостях» вышла статья, где о стратегии говорится достаточно подробно и емко. Целый абзац посвящен тому, что при планировании следующего трехлетнего бюджета необходимо вернуться к сбалансированной конструкции. Что Вы понимаете под сбалансированной конструкцией? Это полностью бездефицитный бюджет или бюджет, сбалансированный по-другому?

Я знаком, конечно же, и с другими Вашими выступлениями и заявлениями. Позиция Минфина заключается в том, что в 2018—2019 годах нужно последовательно сокращать дефицит на 1%. Почему мы так спешим от него отказаться? Повторю: накопленный государственный долг России не так велик, он составляет меньше 20% ВВП. Многие страны проводят реформы, имея определенный бюджетный дефицит. Индия — звезда развивающихся рынков, темпы роста там составляют 7—7,5% ВВП, и они при этом жалуются на низкие темпы. Да, они стремятся к бюджетной консолидации, но тем не менее вполне допускают дефицит в 3,5—4% и сейчас, и в будущем. Почему мы не хотим работать с дефицитом?

А. Силуанов:

Мне кажется, здесь все очевидно. Почему нам нельзя иметь дефицитный бюджет? Посмотрим, как бы Вы рассуждали, если бы были предпринимателем. В этом году, при 40 долларах за баррель, мы обозначили цель в 3%, а что будет дальше? Бюджетный дефицит в 4%, 5%? Во-первых, он влияет на инфляцию и на ставки, поскольку в этом случае мы должны много заимствовать на рынке: о какой стабилизации макроситуации может идти речь? Во-вторых, предприниматель всегда думает о том, насколько

рискованны его вложения. Сейчас государственный долг невелик — 14% ВВП, но резко нарастить его до 30%, 50% или 100% можно достаточно быстро, за три года: у нас уже были такие примеры.

Поэтому ни в коем случае нельзя говорить, что мы можем позволить себе такой дефицит бюджета. Мы будем его сокращать. Но как именно? Нужно либо дальше консолидировать бюджет за счет расходной части, либо увеличивать доходную часть, то есть повышать налоги. Так действуют во всех странах. Но для нас это неприемлемо, поскольку нам нужен рост выше среднемирового, а если повышать налоги, каким будет рост?

Конструкция выходит очень сложной. С одной стороны, дефицит бюджета влияет непосредственно на макроэкономику, Эльвира Сахипзадовна говорила, что не будет снижать ключевую ставку, поскольку видит риск того, что инфляция не снизится. Правительство будет сохранять дефицит бюджета, а значит, программы его консолидации нет, хотя это неправильно — мы как раз сейчас готовим такую программу. Наши тактические меры, как уже говорилось, должны заключаться в ежегодном снижении дефицита бюджета примерно на 1% ВВП в течение трех лет. Для чего это нужно? Для того, чтобы стабилизировать, сбалансировать финансы, адаптировать их к новым условиям.

Вы говорите про Индию с ростом в 7%. В чем отличие Индии от России? Индия — растущая экономика, и там дефицит в последние годы постепенно сокращается. У нас же сейчас велик так называемый первичный дефицит, то есть доходы минус расходы, за вычетом процентных расходов. В Индии первичный дефицит меньше, чем в России. Именно первичный дефицит влияет на дисбаланс и на риски, которые имеются в финансовой системе. Мы должны их снизить, должны продемонстрировать нашу экономическую политику, чтобы бизнесмен, вкладывающий деньги в Россию, понимал, что налоги не увеличатся, что диспропорций на финансовом рынке не будет, что инфляция уменьшится. Такова наша основная задача. Ее можно решить

только путем сокращения дефицита бюджета. Снова соглашусь с Эльвирой Сахипзадовой: основной вызов, стоящий перед финансовой системой, — это достаточно высокий дефицит бюджета, который нужно снижать.

Н. Корженевский:

Эльвира Сахипзадовна, Вы хотели ответить?

Э. Набиуллина:

Я хотела бы сделать несколько замечаний. Мне кажется, что если стимулировать экономический рост с помощью роста государственного долга, мы можем попасть в долговую ловушку, как раньше попали в инфляционную спираль. Нам предлагали стимулировать экономический рост за счет инфляции — при всего лишь одном или двух дополнительных процентах инфляции можно получить небольшой рост. Но если делать это каждый год, получается инфляционная спираль: сегодня 4%, завтра 6%, послезавтра 9%, и так далее. То же самое может произойти с попыткой финансировать рост через государственный долг.

И еще одно соображение. Государственный долг — это государственные расходы, государственные инвестиции. Мне кажется, у нас проблема в другом: нам нужны частные инвестиции, нужен рост на основе частных инвестиций. Это подразумевает снижение налогов, а госдолг — это будущие налоги, и поэтому он не является альтернативой.

Н. Корженевский:

Алексей Леонидович, давайте вернемся к долгосрочным структурным проблемам.

Здесь только что говорилось об инвестициях. Центр стратегических разработок опрашивал экономистов относительно ключевых рисков и вызовов для российской экономики. В качестве одной из проблем была названа

непривлекательность внутренних инвестиций. Давайте спросим присутствующих в зале, какой вызов они считают ключевым и какую структурную проблему нужно сделать главным приоритетом. Конечно же, при этом так или иначе будет затронута тема инвестиций.

Итак, предлагаю еще раз проголосовать. Какую структурную проблему вы считаете первостепенной? Первая — изоляция, технологическое отставание, причем нарастающее. Вторая — условия ведения бизнеса в самом широком смысле. Третья — высокая степень вовлеченности государства в экономические процессы. Четвертая — непривлекательность внутренних инвестиций. Пятая — износ инфраструктуры. Повторю, что второй вариант может подразумевать самые разные вещи — защита прав собственности, административные издержки, все те проблемы, которые часто называются при обсуждении российской экономики.

Мы получили следующие результаты. Лидируют условия ведения бизнеса — 32% голосов. Варианты 1, 3 и 4 получили по 20% голосов — примерно поровну.

Алексей Леонидович, прежде чем мы начнем обсуждать итоги голосования, хочу спросить об инвестициях. Все мы так или иначе говорим об инвестициях — и представитель Центрального банка, и представитель Правительства. Когда Вы формулировали эту проблему для опроса экономистов, что имелось в виду? Что такое непривлекательность внутренних инвестиций и как решать эту проблему?

А. Кудрин:

Центр стратегических разработок, взявшись готовить стратегию на будущее, в первую очередь собрал около сотни экспертов и провел опрос с целью выяснить, как эти сто экспертов сформулируют главные вызовы. Отдельные кулуарные группы, школы или известные эксперты могут составить свой список. Мы хотели создать карту, чтобы ничего не упустить. Сейчас документы

обрабатываются, и в ближайшее время мы выложим список в открытый доступ. Были названы, в числе прочего, вызовы, которые требуют структурных реформ.

Неправильно утверждать, что какой-то из вызовов или какая-то из структурных реформ важнее других. На сегодняшнем этапе развития страны существует целый комплекс проблем, и с помощью одного решения мы не вытащим экономику — ни путем предоставления инвестиционных льгот, ни путем постепенного добавления денег в экономику, плавного, чтобы не раскачать инфляцию, ни путем создания десяти «Сколково».

Среди них — доля государства в экономике, недостаточная конкуренция, высокие барьеры, преобладание государственных или приближенных к государству компаний над частным сектором, роль судов и правоохранительных структур, избыточная нагрузка на бизнес.

Центр стратегических разработок проанализировал результаты надзорной деятельности, в том числе мероприятия «Открытого правительства». В год проводится 2,5 миллиона проверок, и в результате работы этой громадной контрольно-надзорной машины лишь в 8% случаев выявляется угроза нанесения ущерба, а в 1% случаев — реальный ущерб. Выяснилось, что эти органы превратились в самостоятельно действующую силу, которая не выявляет угрозы и по-настоящему не предотвращает их.

Эксперты указывали на все эти проблемы с институтами, а я бы особо выделил изоляцию и технологическое отставание.

Н. Корженевский:

Я, собственно, использовал результаты вашего опроса.

А. Кудрин:

Казалось бы, изоляция и технологическое отставание — это проблемы разного рода, но у нас они отчасти связаны друг с другом. Весь мир в год

тратит на инновации 1 триллион 600 миллиардов долларов, Россия — всего 40 миллиардов. Мир превратился в лабораторию по производству инноваций. Мы должны расширить наши кооперационные связи, использовать инновации, уже созданные другими. Мы не создадим всю линейку. Может быть, США и Китай попытаются это сделать, но, скорее всего, они тоже не смогут.

Мы можем породить лишь отдельные инновации. Нужно создать несколько десятков или сотен продуктов такого уровня, которые по объему продаж в мире заместят наши доходы от нефти, равные примерно 350 миллиардам долларов. Вот наш план: произвести продуктов на сумму, равную сумме нашего несырьевого экспорта — это 142 миллиарда долларов, или примерно 40% от всего экспорта. Нужно довести долю несырьевых товаров в экспорте до 80%. Это подразумевает интенсивное взаимодействие с остальным миром, масштабный обмен технологиями, работу с теми зонами, которые готовы, с одной стороны, предоставить свои лучшие технологии, а с другой — приобретать наши лучшие технологии. Вот проблема номер один.

Я бы назвал также проблему, связанную с условиями ведения бизнеса, с неопределенностью правил и политики. Скажу в двух словах, почему у нас не инвестируют: есть неопределенность, нет заданной стратегией вектора действий, нет решения тактических и стратегических задач. Сегодня бизнес боится инвестировать, так как не понимает, что будет на выходе.

Н. Корженевский:

При всей важности монетарной политики, обращаю внимание на то, что даже после снижения рыночных ставок, причем существенного, даже при росте объема кредитования бума инвестиций пока не наблюдается. В статистике, может быть, нужна лакировка, но вот от Центрального банка требовали снижения ставки, и она снижается, а существенного роста инвестиций — по крайней мере, пока — не отмечается.

Э. Набиуллина:

Значит, проблема не в ставках.

Н. Корженевский:

Да, и вот очередное подтверждение этому. Алексей Леонидович, я понимаю, что стратегия должна быть готова только в следующем году. Но, может быть, уже есть понимание того, какие конкретные меры Вы будете предлагать для решения этих проблем?

А. Кудрин:

Мы сейчас анализируем все эти вызовы и ситуацию с каждым из них. Есть несколько направлений, по которым мы начинаем работать. Мы работаем со всеми, кто может дать качественную информацию о состоянии различных областей деятельности, механизмов, лучших практик, независимо от политических и идеологических предпочтений. Мы должны обновить наши представления о политиках и практиках для каждого из этих направлений и взять самое лучшее.

Помню, в 2000 году, став министром финансов, я молил Бога, чтобы цена на нефть не упала ниже 20 долларов за баррель. Я считал, что если цена на нефть будет равна хотя бы 20 долларам за баррель, можно будет найти решение для всех структурных проблем в стране. Главное, чтобы не было восьми долларов за баррель, как в мае 1998 года. Средняя цена за десять лет, предшествующих 2000 году, составляла ниже 20 долларов. Тогда мы были ориентированы на структурные реформы, и в первой половине нулевых средние темпы роста составляли 7% — при средней цене на нефть в 30 долларов.

Сегодня нам нужна такая же ориентированность на реформы. В последние годы исчезло одно важное обстоятельство. У нас был, так сказать, нефтяной корсет, поддерживавший экономику. Мы из него уже выросли, он нам мешает,

он перестал поддерживать экономику. Цена упала, а наши мышцы оказались ненакачанными. Я бы сравнил институты с накачанными мышцами, а инфляцию в 4% и бюджетный дефицит — с сердцем и сосудами, которые должны быть в хорошем состоянии. Нельзя гипертонику выходить на олимпийскую стометровку. Нельзя при инфляции в 7—8% соревноваться с Китаем и США по качеству инвестиций или по длинным деньгам — это аксиома. То же самое относится и к большому бюджетному дефициту: он создает новые риски для экономики.

Кстати, инфляция — это управляемый процесс. Все правительства уже договорились между собой о том, что инфляцию нужно удерживать в пределах 2–3%. Китаю это удастся, и потому он привлекает на порядок больше инвестиций. Но у нас сегодня другая задача. Надо накачивать мышцы, формировать институты, которые создают новую производительность в экономике. Необходимо инвестировать не в существующие технологии, а в новые. Каждое новое рабочее место должно быть более производительным, чем предыдущее. Институты, которые должны сосредотачивать частные инвестиции и направлять их туда, где они покажут наибольшую производительность, у нас работают слабо. Мы еще соревнуемся с другими по объему инвестиций, но если брать объем инвестиций в сочетании с их производительностью, то в этом смысле мы отстаем. Как ни странно, объем инвестиций будет зависеть от этих новых возможностей.

И последний тезис. В мире растут рынки многих товаров, по целому ряду изделий — в два-три раза. Старые отрасли отмирают, новые растут. Но мы здесь пока не конкурируем, этот рост не для нас. А он должен иметь к нам отношение: мы должны соревноваться с другими на растущих рынках, а для этого нужны другая производительность и другое качество. Именно такую задачу поставил Центр стратегических разработок, и мы будем ее решать вместе со всеми.

А. Силуанов:

Алексей Леонидович, бюджет — это все-таки сердце или сосуды? Я всегда думал, что сердце.

А. Кудрин:

Бюджет — сердце, а финансовая система — это, безусловно, кровеносные сосуды. Сегодня бюджет, как ни странно, ведет к снижению темпов роста.

Н. Корженевский:

Почему?

А. Кудрин:

Допустим, у нас будет дефицит в 3,5% — в номинальном выражении это три триллиона рублей. Откуда мы возьмем эти три триллиона? Сегодня два с половиной триллиона из этой суммы берутся из резерва. Пока что мы живем за счет прошлого, существуем как бы в невесомости, не чувствуем реалий. Мы продаем валютные резервы, Центральный банк печатает рубли, мы покрываем дефицит и обязательства. Так можно будет делать еще два-три года.

Влив эту денежную массу в экономику, Центральный банк параллельно уменьшает кредитование по другим каналам, пытаюсь сохранить общее количество денег в экономике. Получается, что мы поддерживаем экономику через неправильные каналы, в ней появляется нерегулируемая, не совсем гибкая масса денег. Это риск. Допустим, мы полностью откажемся от резервного фонда — а мы должны отказаться от него в течение двух-трех лет, — но сохраним дефицит на том же уровне. Где мы возьмем эти три триллиона? На частном рынке. Это напоминает 90-е годы и систему ГКО, хотя о ней и не хочется вспоминать: при высокой инфляции, при высокой доходности, которую нужно обеспечить облигациями, мы заимствуем большие

суммы на рынке. Частный сектор отдыхает, он не может соревноваться с государством в привлечении дешевых кредитов. Это не самая совершенная система обеспечения роста инвестиций.

А. Силуанов:

Можно высказать еще одно соображение?

Алексей Леонидович копил деньги, а Силуанов тратит их, да? Так это выглядит сейчас.

Вернемся к дефициту бюджета. Что, если он будет составлять 3% или, предположим, 5%? Государственный долг невелик. Вы говорите: «Ну, подумаешь, вырастет до 30%». Нам нужно будет увеличивать объем чистых заимствований. Чистые заимствования в этом году составят около 300 миллиардов рублей, а сумма потраченных резервов — от 2 до 2,5 триллионов. Соответственно, эти 2—2,5 триллиона придется изъять из экономики и направить на текущие затраты или на инвестиционные расходы, не всегда эффективные. Деньги будут изъяты из экономики. Это можно сделать однажды, но в следующий раз придется взять еще больше, чтобы обслуживать проценты по долгу, затем еще больше. Образуется спираль. Такое уже было в нашей истории, и не дай Бог, чтобы это повторилось.

Поэтому дефицит бюджета — это риск не только для финансовой системы, но и для экономики в целом. Правительство сейчас готовит предложения о новых параметрах бюджета, и я надеюсь, что мы примем меры по его сокращению. Во всяком случае, Минфин подготовил такие предложения, и Правительство будет их рассматривать.

А. Кудрин:

Структура бюджета у нас тоже несовершенна. Даже с учетом сокращения обязательств нужно существенно перестроить ее с ориентацией на

инфраструктуру и человеческий капитал. Это два решающих фактора, способствующих росту инвестиций.

Н. Корженевский:

Но возможно ли это? Де-факто это означает сокращение других расходных статей. Если мы хотим удержать бюджет в каких-то рамках, сохранив расходы на уровне 15—16 триллионов рублей, не допускать дефицита и к тому же тратить больше денег на другие статьи, средства нужно откуда-то взять.

А. Кудрин:

В этом и заключается вызов. Если мы их не возьмем, сохранится прежняя, достаточно несовершенная система. Бюджет не будет вносить заметного вклада в экономический рост и останется по меньшей мере таким же, как раньше. Но все равно какие-то статьи придется затрагивать.

Во всех статьях бюджета — думаю, что во всех, — есть запас эффективности: в оборонных, социальных, в тех, которые относятся к безопасности, образованию, здравоохранению, и так далее. Повышение эффективности может быть связано как с сокращением расходов, так и с их перераспределением, отнесением на другие статьи. Такое повышение эффективности — неотъемлемая часть механизма сокращения бюджета. Нужно не просто порезать и переставить статьи, а оценить эффективность и, шире, адекватность некоторых бюджетных расходов. Давайте сократим неэффективные расходы: они есть во всех статьях.

Н. Корженевский:

Понятно.

Эльвира Сахипзадовна, хочу вернуться к Вашему выступлению. В самом начале, говоря о ключевых вызовах, Вы упомянули о том, что Центральный банк борется со слабыми игроками в банковском секторе, с оттоком капитала.

Это еще одно большое достижение, о котором почему-то не так много говорят. В третьем квартале прошлого года впервые был зафиксирован приток капитала — статистический, но тем не менее приток. Отток капитала сократился в несколько раз по сравнению с предыдущими периодами.

Какова следующая важная цель Банка России? С банковским сектором все более или менее понятно, его приводят в порядок. Есть ли понимание того, каким будет следующий этап? Что будет делать Банк России как мегарегулятор для стратегического развития?

Э. Набиуллина:

У нас действительно много задач.

Я согласна с Алексеем Леонидовичем: нельзя назвать одну, самую важную, структурную или институциональную реформу. Нам нужен целый набор реформ. Если мы хотим быть конкурентоспособными, это должно касаться всех областей производства. Нужно стремиться к улучшениям в каждом аспекте нашей политики, в каждой области производства, и так далее. Эта задача стоит в том числе и перед финансовым сектором.

Первый этап работы заключался в выводе с рынка хронически неустойчивых игроков либо тех, кто обслуживает теневой сектор, для восстановления базовых условий справедливой конкуренции. Если есть игроки, которые не соблюдают правила, это нарушает условия конкуренции. Но, конечно, стоящих перед нами задач гораздо больше. Мы видим определенные диспропорции на финансовом рынке. Например, у нас хорошо развит долговой рынок — хотя все говорят: «Снижайте процентные ставки, мы должны наращивать кредитование», — но совсем не развит рынок капитала. Соотношение активов банковского сектора и ВВП составляет более 100%, а объем активов всех игроков — страховых фондов, НПФ, ПИФов, и так далее — в совокупности, наверное, равен около 10% ВВП. Капитализация рынка у нас составляет 35,6% ВВП. Среднемировой показатель — 82%, в странах БРИКС — 48%, а в

Индии, например, — 73%. Таким образом, в стране наблюдается недостаток капитала.

При этом мы видим, насколько недооценены вложения в акции. Например, отношение цены к прибыли у нас в четыре раза ниже, чем в Америке, и в два раза ниже, чем в Китае. Такова премия за риск, связанный с вложением капитала в Россию. Это, конечно, является проблемой для финансового сектора. Мы понимаем, что доверие во многом связано и с экономической политикой в целом, и с такими вещами, как корпоративное управление, защита прав миноритарных инвесторов, раскрытие информации. Мы уже предпринимаем соответствующие меры. Они кажутся разрозненными, но преследуют одну цель — повышение доверия к инвестированию в стране, развитие внутреннего, отечественного капитала.

Вторая диспропорция связана с соотношением различных типов долгового финансирования. У нас развито банковское финансирование, а, например, рынок облигаций развит меньше. В целом крупные компании должны чаще выходить на рынок долга, на облигационный рынок. В структуре портфеля банков, возможно, должна увеличиться доля кредитов малому и среднему бизнесу, который не может выйти на такой секьюритизированный рынок. Еще одна задача — обеспечение справедливого налогообложения: сейчас доходы по депозитам не облагаются налогом, в отличие от доходов с вложений в облигации. Мы запустили программы, которые упрощают выпуск облигаций.

Третья глобальная диспропорция связана с конкуренцией. Во многих секторах, не только в банковском, у нас доминируют крупные игроки. Они конкурируют между собой, но в целом конкуренция получается искаженной. Одним из направлений нашей работы станет постепенная добровольная консолидация сектора и создание более справедливых условий конкуренции.

Мы исходим из того, что финансовый сектор должен быть конкурентоспособным по мировым меркам во всех отношениях, в том числе с точки зрения инфраструктуры. Здесь мы тоже совершаем определенные шаги.

Вы помните о программе создания современной биржи. В ее реализации, на мой взгляд, достигнут большой прогресс: Московская биржа стала достаточно конкурентоспособной инфраструктурной площадкой. Алексей Леонидович может подробнее рассказать об этом, поскольку возглавляет совет Биржи. Нам нужно также иметь качественных игроков, которые оценивают ценовую, финансовую информацию и риски. Я имею в виду аудиторов, оценщиков, рейтинговые агентства. Все элементы инфраструктуры должны быть полностью конкурентоспособными, и здесь еще многое предстоит сделать.

Н. Корженевский:

По собственному опыту припоминаю, что сложно найти покупателей, которые инвестировали бы не в долговой, а в долевого капитал. Я здесь, конечно, не продавец, а обиженный миноритарий, который в свое время не нашел, куда пойти. Мне не хочется покупать снова, повторять весь этот опыт. Но это, наверное, тоже относится к защите прав собственности, к условиям ведения бизнеса.

Антон Германович, позвольте задать Вам очень простой вопрос, не касающийся стратегии. Мы здесь много говорили о дефиците бюджета и так далее. Я вспомнил недавнее привлечение средств Минфином, когда размещались еврооблигации. Это очень важный тактический шаг, призванный показать, что Минфин заимствует в валюте. Но меня удивили результаты размещения. Минфин хотел привлечь 3 миллиарда долларов, спрос, согласно сообщениям, превысил 6 миллиардов долларов, а привлекли почему-то всего лишь 1,75 миллиарда. Почему так получилось?

А. Силуанов:

Действительно, мы могли привлечь гораздо больше. Но это внешние заимствования, то есть приток валюты в страну. У нас сейчас сильный

платежный баланс. Если мы привлечем значительные валютные ресурсы, это приведет к дальнейшему укреплению курса рубля.

Н. Корженевский:

Но хотели же три миллиарда?

А. Силуанов:

Мы не испытываем проблем с валютной ликвидностью в стране. Валюты у нас достаточно. Золотовалютные резервы Центрального банка растут, и, в принципе, все наши заимствования для финансирования дефицита бюджета могут быть осуществлены на внутреннем финансовом рынке. Это первое.

Второе: выходя на рынок — а мы уже давно не выходили на внешние рынки, — мы зафиксировали свое присутствие, причем с использованием отечественных институтов. Мы не привлекали иностранные банки для размещения. В этих банках объяснили: «Знаете, нам позвонили, сказали, что лучше не надо, мы боимся рисков и не будем участвовать». Ну и слава богу.

Мы не прибегали к услугам фискального агента, который ведет учет этого размещения. Всегда и во всех странах эту роль играли глобальные зарубежные банки. Мы использовали наши национальные депозитарии, создали, по сути дела, новую инфраструктуру для внешнего привлечения средств, и она сработала. Это очень важно.

Почему мы отказали остальным желающим, среди которых в основном были российские институты? В российских банках и других финансовых институтах сейчас достаточно много валютной ликвидности, они ищут способы ее применения. Если бы мы сказали: «Давайте мы возьмем три миллиарда и, может быть, увеличим сумму до шести», — к чему бы это привело? Следует заметить, что стоимость валютных депозитов в этих банках в последнее время снижалась, и это правильная позиция, надо сберегать в рублях. Так вот, если бы мы сейчас забрали у банков эту избыточную ликвидность в долларах и

евро, руководство банков сказало бы: «Сейчас мы поднимем ставки по депозитам, привлечем еще больше долларов у населения и вложим в хорошие, надежные долговые инструменты, которые принесут нам дополнительный доход». Нам нужно, чтобы банки не зарабатывали на долларах, забирая деньги у населения, и чтобы население было заинтересовано в рублевых вложениях, так как в этом случае нет рисков волатильности.

Валютные заимствования бюджету не нужны. Нам нужны рубли, которые мы тратим. Бюджетные траты исчисляются в рублях, и мы спокойно обойдемся без внешних заимствований.

Н. Корженевский:

Антон Германович, если говорить о взаимодействии Министерства финансов и Банка России, было бы логично — и проще для Банка России, — если бы Министерство финансов больше заимствовало в рублях на рынке. Какой будет в ближайшие годы ваша политика в этом отношении?

А. Силуанов:

Мы уже говорили о том, что нельзя сметать всю ликвидность, иначе просто не останется денег на кредитование экономики. Поэтому мы будем снижать дефицит бюджета и очень аккуратно делать заимствования на внутреннем рынке. Даже при снижении дефицита нам придется увеличивать объем присутствия на рынке, потому что мы будем беречь Резервный фонд и не станем тратить его до конца. В следующие три года мы будем сокращать траты из Резервного фонда, оставляя подушку безопасности, и постепенно увеличивать объем заимствований на внутреннем рынке. Такова наша стратегия на ближайшее время.

Э. Набиуллина:

Если не сокращать дефицит бюджета и финансировать его не через внутренние заимствования, а через резервные фонды, расходуя их опережающими темпами, последствия для частного кредитования окажутся такими же: мы будем заимствовать вместо вас. В этом тоже нет ничего хорошего — мы станем изымать ресурсы. Конечно, нужно сокращать дефицит.

Н. Корженевский:

Вот оно, стратегическое решение.

Алексей Леонидович, и еще один вопрос, обращенный к Вам. На этом форуме, и не только на нем, давно и очень много говорится о структурных реформах в России, а воз и ныне там. Структурные реформы осуществляются очень медленно. Некоторые из них действительно реализуются. Например, Банк России существенно изменил свою политику: это тоже структурная реформа. Есть ли у вас уверенность в том, что на этот раз дело пойдет быстрее? Чем сегодняшняя ситуация принципиально отличается от предыдущих? Что делает ее особенной и позволяет начать структурные реформы?

А. Кудрин:

Для чего нужны структурные реформы? Если мы их не проведем, рост будет низким — в среднем около 1,5% в год, может быть, около 2%. Это ниже среднемирового показателя. Наша экономика будет сокращаться, становиться все менее интересной для мира и даже для наших соседей. Кто станет связывать свою судьбу с сокращающейся, медленно растущей экономикой? Где здесь можно будет заработать? Это один аспект.

Есть и второй аспект, очень неприятный: у нас третий год снижается реальный уровень жизни населения, падают реальные доходы. В 1998 году и даже в 2008-м падение экономики и снижение жизненного уровня продолжались всего один год, после чего возобновлялся рост. Сейчас падение идет уже третий

год. Это совершенно новый вызов для элит страны, ее властей. Мы потеряем конкурентоспособность и, скорее всего, будем отставать, в результате чего не сможем обеспечить технологическое превосходство ни в одной сфере, включая военную. Ни один политик, как я считаю, не желает такого развития событий. По моему мнению, это самый серьезный стимул для начала изменений.

Сегодня я вижу соответствующие возможности. Возобновлена работа Экономического совета при президенте, создана наша рабочая группа. Мы получили прямое указание: дать ответы на эти вопросы. Кстати, не все проблемы на виду, потому что иногда люди рассуждают, исходя из прошлого опыта. Самая распространенная критика в наш адрес звучит так: «Они будут делать то же, что и в нулевых, — ожидать высоких цен на нефть». Высокие цены на нефть в 2012–2013 годах не привели к высоким темпам роста: ВВП увеличился всего на 1,3%. Эта модель уже отработана. Те, кто думает, что вернутся прежние цены и Правительство перестанет проводить реформы, скорее всего, неправы: эти цены уже не приведут к росту и решению тех проблем, о которых я сказал. Вот почему я вижу серьезные основания и стимулы для реальных преобразований.

На заседании Президиума Экономического совета Владимир Владимирович впервые сказал о том, что если ничего не делать, темпы роста будут нулевыми, мы утратим свое преимущество в различных сферах. Теперь все понимают, что без реформ рост может быть нулевым. Я вижу в этом главный стимул, поэтому нужно двигаться вперед вместе и при этом аккуратно. Одним из серьезных достижений будет повышение жизненного уровня — это естественная цель нашей работы.

На этом пути мы также столкнулись с новым вызовом. Когда мы начинали в 2000 году, средняя зарплата составляла 70 долларов, а ВВП на душу населения — 4—5 тысяч долларов. Закончились нулевые, и сейчас средняя зарплата, даже с учетом девальвации, превышает 500 долларов, а ВВП на

душу населения составляет около 20 тысяч долларов. За время этих преобразований, в том числе структурных реформ — конечно, и нефть нам помогла, — мы перешли в другую категорию стран: даже после того, как цена нефти упала ниже 40 долларов, ВВП на душу населения составляет все те же 20 тысяч долларов. Вот результат наших действий — над этим работала целая команда.

Часто мне говорят: вы, наверное, предложите шоковую терапию? Все забывают, что я был руководителем экономического блока в нулевые годы, когда средний рост равнялся 7—8%, и мы проводили структурные реформы по-другому. Сегодняшний уровень доходов не так уж низок, и мы попали в новую ловушку — ловушку среднего уровня доходов. Эта проблема сегодня широко обсуждается. Уровень дохода достаточно высок при недостаточном качестве рабочей силы, квалификации, компетенции работников, при слабых институтах. Чтобы перейти к следующему этапу, нужны намного более серьезные решения в сфере управления человеческим капиталом и институтов. Нынешние институты определяют уровень нашего благосостояния и рост ВВП. Если мы не сможем серьезно изменить их, рост ВВП не превысит 1—2%, а реальные доходы населения останутся примерно на этом же уровне, не будут увеличиваться. Это нас устраивает? В этом смысле стимулов для новых серьезных шагов у нас недостаточно. Это существенный вызов, который стоит перед многими странами, и в частности, перед Китаем.

Мы все эти вызовы еще не сформулировали и не осмыслили как следует. Это новая действительность.

Н. Корженевский:

К сожалению, мы не успеваем полноценно пообщаться с залом и принять какие-то вопросы. Но я предлагаю провести еще одно голосование, на это время есть. В течение часа мы обсуждали преобразования в российской

экономике, пути ее развития. Мы услышали важнейшие соображения по поводу, монетарной и фискальной политики, структурных реформ.

Что нужно изменить в первую очередь для того, чтобы добиться устойчивого экономического роста? Я попрошу вывести результаты голосования на экран.

К сожалению, голосование провести не удалось. Предлагаю не тратить времени и ответить хотя бы на один вопрос из зала. Кто-нибудь хочет задать вопрос? Пожалуйста.

Е. Теплицкая:

Елена Теплицкая, Сбербанк. Вопрос личный, он не согласован.

Я хотела бы поинтересоваться, насколько учитываются интересы малого и среднего бизнеса. Много лет назад мы с Алексеем Леонидовичем спорили о том, нужно ли делать налоговые послабления для малого бизнеса. Сейчас во многих развитых странах есть биржи для малого и среднего бизнеса. Может быть, и в России стоило бы создать подобный механизм для того, чтобы привлечь капитал в малый и средний бизнес. Насколько я помню, у нас его доля в ВВП составляет 20%, а в некоторых развитых странах — 40%. Как мне кажется, это создало бы реальную возможность для притока инвестиций в экономику. Государство могло бы обеспечить прозрачность этого механизма, юридическую и финансовую сторону дела. Этот бизнес стал бы и сердцем, и сосудами экономики. Что вы думаете по этому поводу?

Н. Корженевский:

Ваш вопрос адресован кому-то конкретно?

Е. Теплицкая:

Нет, это вопрос к панели.

Н. Корженевский:

Пожалуйста, Эльвира Сахипзадовна.

Э. Набиуллина:

Я полностью согласна с постановкой вопроса, а отчасти и с ответом на него. Действительно, малый и средний бизнес должен пользоваться особым вниманием, особым режимом налогообложения и финансирования. Я уже говорила о том, что банки должны переориентироваться на финансирование малого и среднего бизнеса.

Есть также возможность выхода на биржи, на рынок облигаций. Месяц назад мы провели пилотную сделку по секьюритизации кредитов для малого и среднего бизнеса, а перед этим вместе с банковским сообществом долго работали над стандартами. Мы хотим, чтобы такие случаи стали массовыми. Конечно, нужно развивать этот инструмент, Вы абсолютно правы. Новая модель роста обязательно должна быть связана с увеличением доли малого и среднего бизнеса.

Н. Корженевский:

Антон Германович, расскажите о более эффективном бюджете.

А. Силуанов:

Как Правительство поддерживает малый и средний бизнес? Во-первых, конечно, путем снижения налогов. Последнее решение Правительства о предоставлении субъектам Российской Федерации права снижать налоги на бизнес кажется мне правильной мерой. Во-вторых, через предоставление доступа к кредитным ресурсам, которые дороги и не всегда доступны, с учетом того, что у малого бизнеса нет залогов для обеспечения кредитов. Мы создали Агентство кредитных гарантий — можно использовать этот инструмент. В-третьих, посредством вовлечения малого бизнеса в работу крупных компаний.

Мы можем воздействовать на госкомпании, чтобы они осуществляли часть закупок у малого бизнеса. Это, как мне представляется, тоже правильная мера.

Н. Корженевский:

Алексей Леонидович, нужно ли специально стимулировать малый бизнес или он будет пробиваться сам, по мере проведения структурных реформ?

А. Кудрин:

Гибкость многих экономик мира — допустим, экономики США — обусловлена малым бизнесом. Они быстрее реагируют на все вызовы. В развитых странах ежегодно закрываются сотни тысяч малых предприятий, но еще больше открывается. Это постоянный процесс. Там закончился спрос, здесь у нас стало меньше преимуществ — мы пошли в другую сферу. Малые предприятия обеспечивают быстрый приток рабочей силы. Это очень важное преимущество любой экономики.

Что бы я добавил к сказанному моими коллегами? Правительство совершает определенные шаги — расширяет госзаказ для малого бизнеса и так далее. Новые технологии, инновации сегодня создаются в том числе — если не в основном — малым бизнесом. Появляются стартапы, компании из малых превращаются в средние и крупные. Многие сегодняшние гиганты, особенно инновационные, выросли из малого бизнеса. Нам нужно создать такую среду, и здесь необходима поддержка государства.

Н. Корженевский:

Еще один вопрос — наверное, к Антону Германовичу, но может быть, пожелает ответить кто-то еще. Если говорить о малом и среднем бизнесе, то один из крупнейших недостатков российской экономики — несовершенство механизма банкротства. Почему в Соединенных Штатах предприятия

банкротятся сотнями тысяч? Потому что есть Одиннадцатая глава Кодекса о банкротстве, и так далее. Будет ли в России разрабатываться такое законодательство, и если да, когда его введут?

А. Кудрин:

Все боятся банкротства: людям кажется, что это остановка предприятия, увольнение всех работников, конец бизнесу. На самом же деле банкротство — это просто переход компании из одного состояния в другое, от одного собственника к другому. При неэффективности менеджеров они должны заменяться другими, более эффективными. Предприятие продолжает работать, работники продолжают трудиться на предприятии, и так далее. Банкротство — это не полная остановка деятельности. Именно в этом духе составлен проект закона, подготовленный Министерством экономического развития. Мы должны принять его как можно быстрее, чтобы этот механизм заработал.

Н. Корженевский:

Благодарю вас всех. Большое спасибо за то, что уделили нам свое время и внимание.